
**СТРУКТУРА И ЧИСЛЕННОСТЬ СЕМЕЙ РУССКИХ КРЕСТЬЯН
ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ (XIX—начало XX вв.)**

И. В. ДОЛЖЕНКО

Всестороннее изучение крестьянской семьи представляет значительный интерес для этнографа. С одной стороны, семья особенно подвержена изменениям социально-экономического характера, которые накладывают отпечаток на численность и структуру семьи, характер внутрисемейной власти, функции и обрядность, а с другой стороны, семья оказывает обратное воздействие на различные стороны общественной жизни. Состояние семьи—основной хозяйственно-производящей единицы—отражалось на степени освоения тех или иных районов.

В данной статье рассматриваются численный и структурно-поколенный состав, формы семьи русских крестьян Восточной Армении в XIX—начале XX вв. Изучение русской крестьянской семьи этого региона в интересующем нас аспекте не проводилось. Правда, в отдельных дореволюционных изданиях приводятся статистические материалы о численности семей во второй половине XIX в., но они представляют собой лишь усредненные данные, на их основе нельзя воссоздать демографическую характеристику крестьянской семьи¹. Между тем архивные документы позволяют проследить динамику ее состава в XIX—начале XX вв.

Стоит отметить неодинаковый уровень источников. Полные сведения для характеристики русской семьи содержатся в посемейных списках, относящихся ко второй половине XIX в. В карточках же сплошной переписи крестьянских хозяйств 1917 г. перечисляется состав: глава семьи, его дети, внуки, но не указывается, у кого именно из сыновей были дети, какого возраста и пола. Поэтому при обработке данных приходилось делать некоторые логические допущения, которые в отдельных случаях, возможно, были ошибочны, но они не могли исказить полученные результаты в целом.

По сектантским селениям Армении нами обработаны посемейные списки 1851² и 1886 гг.³, по православным—посемейные списки 1859 г.⁴ и карточки сплошной переписи крестьянских хозяйств 1917 г.⁵ Указанные документы имелись по следующим русским селам Армении: сектантские—Никитино и Воскресенка Александропольского у., Константиновка и Еленовка Новобаязетского у. Эриванской губ., Воронцовка Борчалин-

¹ Н. К. Никифоров. Экономический быт государственных крестьян западной части Нахичеванского уезда Эриванской губернии.—Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. 1. Тифлис, 1885; А. Д. Ерицов. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии.—Там же, т. 2, 1886; он же. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда Тифлиской губернии.—Там же, т. 7, 1887; и др.

² ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 363—367.

³ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 210, 217, лл. 127—174; 218, лл. 435—518.

⁴ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 123, лл. 1—25, 641—647.

⁵ Там же, ф. 125, оп. 1, д. 375; 388; 398, лл. 1—62; 1028, лл. 6—196.

ского у. Тифлисской губ.; православные селения—Гергеры русские и Привольное Борчалинского у. Из-за бедности источников по русским православным селениям Армении мы приводим сведения по с. Николаевка Борчалинского у., основанному украинскими казаками, поскольку основные тенденции формирования и развития семьи русских были характерны и для украинцев Армении. В последней четверти XIX в. данное селение имело смешанный украинско-русский состав.

Как известно, русское население Восточной Армении различалось между собой своим отношением к официальной религии—православные и сектанты, а в первые десятилетия жизни в новом районе и сословным положением—военные поселяне и государственные крестьяне. Отсюда история формирования семьи и эволюция ее форм, зависевшие от характера заселения и социально-экономического развития, были неодинаковыми у этих двух групп русского населения Армении.

Решающее влияние на формирование семейного состава русских крестьян-сектантов в первые годы жизни в Закавказье оказали факторы миграционного характера, в том числе форма организации переселения, на основании которой среди сектантов можно выделить три потока. Это ссыльные крестьяне, крестьяне, прибывшие по собственному желанию, имея разрешение правительства (самые многочисленные), и самовольные переселенцы, преимущественно помещичьи крестьяне, бежавшие от гнета крепостничества (они составляли меньшинство)⁶.

Рассмотрим структурно-поколенный состав семей крестьян в момент переселения их в Закавказье. Следует отметить недостаток документов, содержащих необходимые сведения: именные семейные списки составлялись только при водворении крестьян на новое место жительства по прошествии 2--4 лет после прибытия; таким образом, контроль за составом семей в момент приезда в Закавказье не осуществлялся. Первыми русскими переселенцами в Армении были сектанты, сосланные сюда в 30—начале 40-х годов XIX в. Часто, судя по документам, ссылке подлежали не все члены семьи, а лишь отдельные, очевидно, наиболее активные в религиозном отношении. Так, в прошении молочки Н. Карякиной содержится просьба о переселении ее из Шемахинской губ. к детям, сосланным из родных мест позже нее и проживающим в с. Еленовка⁷.

Наряду с высылкой отдельных членов семьи среди сосланных крестьян встречались как двух-, так и трехпоколенные семьи. Например, в первой партии ссыльных переселенцев, поселившихся в 1840 г. в с. Никитино, находился Ион Новиков, трехпоколенная семья которого насчитывала свыше 13 человек: «...вдовый крестьянин Ион Новиков, с ним в одном семействе родные сыновья его: Степан женатый с детьми—двумя сыновьями и двумя дочерьми, Мартын, ныне вдовый, с малолетним сыном и Иван с женою и сыном и племянники их—дети четвертого сына Иона Новикова Евдокима, отданного по очереди в солдаты,

⁶ По данным 1851 г. из 324 семей, о которых имеются сведения,—жителей селений Никитино, Воскресенка, Константиновка, Еленовка, Воронцовка по разрешению правительства прибыли 284 семьи (82,8%), сосланные составляли 56 семей (16,3%), прибывшие самовольно—3 семьи (0,9%). См. И. В. Долженко. Первые русские переселенцы в Армении (30—50-е годы XIX в.).—Вестник Московского университета, 1974, № 3, с. 68.

⁷ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 329, л. 52.

и семейство его по прибытии в деревню Никитино впоследствии времени разделилось»⁸.

Необходимо подчеркнуть двойственность политики, которую проводило правительство по отношению к ссыльным крестьянам и которая оказала определенное влияние на структурно-поколенный состав следующего потока переселенцев. С одной стороны, ссылая наиболее активных сектантов на окраины Российской империи, царизм и церковь стремились изолировать их от православного населения внутренних губерний России и таким образом пресечь их влияние, а с другой—правительство создавало в Закавказье льготные условия для сектантов, пытаясь привлечь русских в новый край, где они должны были служить опорой в проведении государственной политики. Именно поэтому власти шли на уступки и ввели в 1830—40-е годы законы, облегчавшие положение сектантов в Закавказье: сектантам разрешалось переходить из крестьянского сословия в городское, свободно совершать свои обряды и др. Это вызвало широкое добровольное переселение сектантов в новый район, и такая мера, как ссылка, вскоре потеряла свое воздействие.

Причинами добровольного переселения сектантов из внутренних губерний России в Закавказье были тяжелое экономическое положение крестьян (усиление феодального гнета, рост малоземелья), социальное бесправие, усугублявшееся религиозными гонениями. Кроме того, надо учитывать несомненную связь между ссыльными и их единоверцами, остававшимися на родине⁹. Письма, в которых говорилось о льготной по сравнению с прежней жизни на новом месте, слухи о существовании «Нового Иерусалима» способствовали тому, что в 30—40-е годы прошлого века сектанты снимались с мест и добровольно, а иногда и самовольно, уходили в Закавказье, где им должна была быть дарована воля. «Огромными обозами,—пишет очевидец,—потянулись они из разных губерний на Кавказ...»¹⁰

Казалось бы, способ и форма организации переселений, трудности и лишения в пути, совершенно незнакомый край, куда отправлялись русские, мешали переселению крестьян неразделенными семьями. Однако данные именного списка 24 семейств молокан численностью в 320 человек (к сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь один документ подобного характера), «коим разрешено переселиться за Кавказ» в 1845 г. из Таврической губ., свидетельствуют о том, что наряду с двухпоколенными семьями в переселении участвовали трех- и даже четырехпоколенные: семей из двух поколений насчитывалось 16,7%, из трех—75%, из четырех—8,3%¹¹. Анализ показывает, что среди переселенцев из Таврической губ. большие семьи составляли большинство—66,7%, среди них преобладали так называемые отцовские семьи, состоявшие из трех (отец-сыновья-внуки), иногда из четырех поколений (дед-отец-сыновья-внуки). Средняя численность как малой, так и большой семьи переселенцев была велика, соответственно 9,25 и 15,4 чело-

⁸ Там же.

⁹ Примером этому может служить следующий факт: крестьяне соседних сел Никитино и Воскресенка были родом из одного и того же села Алгасово Моршанского у. Тамбовской губ., причем первое село было основано в 1840 г. ссыльными, а второе сектантами, приехавшими добровольно в 1842—1844 гг.

¹⁰ Православный собеседник. Кн. 3. Казань, 1858, с. 301.

¹¹ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 329, л. 196. Здесь и далее подсчеты выполнены автором.

века на одно хозяйство. В одном случае большая семья насчитывала 31 человека¹².

Иногда большие семьи разрушались еще на прежнем месте жительства. Если в составе семьи были и православные и сектанты, то православным не разрешалось следовать в Закавказье, при этом «переселяющееся семейство оставляло православным членам своим... все хозяйственное или дома с разными строениями, земледельческими орудиями, равно и скот...»¹³

Наконец, третий поток мигрантов-беглецов в большинстве случаев состоял из мужчин-одиночек и бездетных. Таким образом, от трех потоков переселенцев зависели структура и численность семей крестьян-сектантов в момент прибытия их в Закавказье: в миграционном движении участвовали как двух-, так и многопоколенные семьи.

В первые годы после переселения на новое место жительства изменились структура и численность семей сектантов. По семейным спискам 1850-х годов число двухпоколенных семей преобладало над трех- и четырехпоколенными семьями: двухпоколенные семьи в с. Никитино составляли 64,9%, в Воронцовке—58%, Константиновке и Еленовке—по 61,1%¹⁴. В с. Воскресенка картина была несколько иной: здесь трехпоколенные семьи составляли 46%, двухпоколенные 42,9%¹⁵. Очевидно, это связано с тем, что жители данного села, приехав в Армению добровольно из одного и того же села Алгасово Тамбовской губ., на новом месте поселения сохранили прежнюю структуру семьи. Напомним, что в первой половине XIX в. в южнорусских губерниях, откуда происходили многие русские переселенцы в Армению, были широко распространены большие семьи, и традиции семейного строительства продолжали сохраняться и в среде переселенцев. В других сектантских селах такой однородности в способе переселения не наблюдалось.

В первые годы жизни в Армении совершался раздел больших семей переселенцев на малые. Одной из причин этого процесса была «подымная» система наделения землей, без учета численного состава семьи. Так, семья, состоявшая из 17 душ, получала такой же земельный надел, как и семья из двух человек¹⁶. Практически на семью выделяли 25—30 дес. земли, и чтобы получить больше земли на каждого едока, крестьяне прибегали к делению больших семей. Такая система наделения существовала в большинстве русских селений до середины 80-х годов XIX в. Возможно, разделение семей иногда происходило формально, так как, хотя крестьяне стремились получить больше земли, они признавали преимущества большой семьи при ведении трудоемкого крестьянского хозяйства. Аналогичная практика своеобразного раздела большой семьи (гердастана) встречалась и у армян в районах отгонного скотоводства, где семьи братьев поселялись вместе для ведения комплексного хозяйства¹⁷.

Нередко из-за климатических условий переселенцы покидали первоначальное место поселения и обосновывались в других селах. При

¹² Там же.

¹³ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 222, оп. 1, д. 5, л. 39 об.—40.

¹⁴ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 363—366.

¹⁵ Там же, д. 367.

¹⁶ А. Д. Ерицов. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда Тифлисской губернии, с. 431.

¹⁷ Ю. И. Мкртумян. Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX—начало XX в.).—Армянская этнография и фольклор. Ереван, 1974, с. 86.

этом также происходили семейные разделы. В рапорте уездного начальника за 1846 г. указывается: «...некоторые семейства этих раскольников по переселении сюда (в Гокчинский участок из Карабахского уезда, — *И. Д.*) разделались и оттого произошла разность в счете семейств, предназначенных для поселения в этом уезде»¹⁸. Например, первоначальники с. Воронцовка Борчалинского у. в течение 12 лет жили в Шемахинской губ., которую вынуждены были покинуть из-за свирепствовавшей там лихорадки, погубившей несколько сот человек. Этим можно объяснить высокий процент малых двухпоколенных семей в этом селении в 1851 г. (они составляли 93% от общего числа семей, в то время как в Воскресенке — около 81%, в Никитино — 65%¹⁹). Такая картина была характерна и для других русских сектантских сел Армении, например для Еленовки, Константиновки. Большинство жителей последнего селения (12 семей из 18), прибыв в Закавказье в 1830-е годы, сначала проживали в с. Базарчай Нахичеванского у., оттуда переселились в с. Гюлистан Шемахинской губ. и только после этого приехали в Константиновку²⁰.

Возможно, иногда причиной раздела семей были религиозные разногласия в среде молокан. Например, в с. Топча Шемахинской губ. проживали сторонники разных течений молоканства — ортодоксального (постоянные молокане) и утопического (члены общества «Общего упования») ²¹. Пополнение рядов последователей «Общего упования» из числа постоянных молокан могло явиться причиной переселения части молокан постоянного толка в Армению (многие переселенцы из с. Топча обосновались в с. Воронцовка) и происходившего при этом деления семей.

Несколько иной процесс образования и развития семьи наблюдался в православных русских селах Армении, большинство из которых были основаны военными поселенцами²². Они, прибыв на новое место службы, вызывали свои семьи к себе, но этот процесс затягивался на долгие годы, и прежний состав семьи, существовавший на родине, не восстанавливался. Вследствие этого в 1850-е годы среди русских православных сел Армении были широко распространены двухпоколенные семьи (супруги-дети). В этих селениях наблюдается более высокий по сравнению с сектантскими селами процент двухпоколенных семей, что было вызвано военизированным образом жизни военных поселян.

Но «в тяжелых условиях колонизации, — отмечал М. О. Косвен, — при сравнительно низком уровне техники малая форма семьи была слишком слабой группой для создания на новых местах новых хозяйств. Требовались большие хозяйственные коллективы...»²³ И, как видно из

¹⁸ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 329, л. 269.

¹⁹ Там же, д. 364, 366.

²⁰ Там же, д. 329, л. 269.

²¹ А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России. XIX в. М., 1977, с. 193.

²² На территории Восточной Армении в середине прошлого века было шесть православных селений, расположенных в Борчалинском у. Тифлисской губ. Селения Николаевка, Гергеры русские, Джелал-оглы русские и Новопокровка возникли как военные поселения. Население Привольного и Новоалександровки имело смешанный социальный состав: государственные крестьяне, оставшиеся нижние чины, а также лица, сосланные за бродяжничество из внутренних губерний России.

²³ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1964, с. 184—185.

посемейных списков 1886 г., во второй половине XIX в. в русских сектантских селах Армении происходит своеобразный процесс восстановления больших семей под воздействием ряда причин—определенных социально-экономических и географических факторов, этнических традиций, а также, возможно, влияния со стороны коренного населения.

Государству были выгодны большесемейные коллективы, так как их платежеспособность была более устойчивой, чем у малых семей. Как правило, большие семьи являлись более прочными и зажиточными, что было вызвано общей собственностью на средства производства в условиях полунатурального хозяйства. Не случайно в 1850-е годы в предписании временному чиновнику особых поручений по части русских поселений Эриванской губ. указывалось следить, «чтобы не происходило между поселянами семейных разделов, и, если таковые обнаружены им будут, то тотчас же через сельского старшину побуждать разделившихся к жительству в одном доме...»²⁴

Кроме государства, в сохранении большой семьи была заинтересована сельская, а у сектантов и религиозная, община, верхушка которой поддерживала главу большой семьи. Крестьянский мир охранял большую семью не только как источник и гарантию хозяйственной целостности семьи, он защищал и поддерживал главу семьи как представителя социально близкой ему классовой прослойки.

Специфические условия жизни, в которых оказались русские крестьяне Армении, несомненно способствовали восстановлению большесемейной общины. Иной, чем на родине,—горный рельеф местности, необходимость ведения комплексного хозяйства, отходничество, широко распространенное у русских переселенцев, требовали большого числа рабочих рук в семье. Возможно, какую-то роль в возрождении большой семьи у русских сыграли и их соседи—армянские крестьяне, у которых в XIX и даже в начале XX в., особенно в горных и предгорных районах Восточной Армении, то есть именно там, где проживали русские, наблюдалось устойчивое сохранение гердастана²⁵.

В середине прошлого века среди семей русских крестьян преобладали семьи, насчитывающие от 6 до 10 человек, причем численность семей православных крестьян, как малых, так и больших, была несколько меньше сравнительно с семьями сектантов. Так, средняя численность малых семей в сектантских селениях составляла: в Никитино, Константиновке—по 5,7 чел., Воскресенке—6,2, а в православных селах Привольное—5,1, Николаевка—5,2 чел. Средняя численность больших семей в Никитино—11,5, Воскресенке—10,5, Константиновке—11,4 чел., а в Привольном—10,1, Николаевке—7,7 чел.²⁶

Данные посемейных списков 1886 г. свидетельствуют об увеличении численности крестьянской семьи в последней четверти XIX в. в сектантских селениях Армении (в 1851 и 1886 гг. средняя численность семьи составляла соответственно в Никитино 6,8 и 7,8 чел., в Еленовке 5,1 и 6,2 чел.)²⁷, за исключением с. Воскресенка, где численный состав семьи уменьшился с 7,7 до 5,9 чел. Любопытно отметить, что в этом селении

²⁴ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 79.

²⁵ Э. Т. Карапетян. Армянская семейная община. Ереван, 1958, с. 134.

²⁶ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 364, 366, 367; ф. 93, оп. 1, д. 123, лл. 1—25, 641—647.

²⁷ Там же, ф. 133, оп. 1, д. 365, 366; ф. 93, оп. 1, д. 210, 218. Здесь и далее данные по с. Еленовка (1886 г.) приводятся на основе случайной выборки, насчитывающей 103 хозяйства из 205.

за период с 1851 по 1886 гг. количество семей увеличилось с 63 до 77, но общая численность жителей уменьшилась с 484 до 452 чел.²⁸ Уменьшение людности было связано с миграцией крестьян в Карсскую область по причине малоземелья, о чем свидетельствуют многочисленные прошения крестьян в губернское правление. С 1879 по 1883 гг. 54 семьи (392 чел.) переехали из Воскресенки в Карсскую область, основав там селения Романово и Новомихайловку²⁹. Переселение на новое место жительства вызвало быстрый рост малых семей в результате дробления большесемейных коллективов.

Подобная картина наблюдалась и в других русских селах Закавказья, в частности в с. Дилижан и Головино Казахского у. Елисаветпольской губ. Например, из последнего селения, насчитывавшего в 70-е годы прошлого века 10 дымов, уехали в Карсскую область 20 семейств. Как отмечает А. Д. Ерицов, «...оставшиеся семейства, не говоря уже об их материальном ущербе, настолько обессилели, что в семье насчитывается средним числом менее 5 душ обоего пола и против камерального описания убыль населения выражается цифрой 178 душ...»³⁰ Отметим, что с января 1881 г. массовое переселение русских сектантов Эриванской губ. было запрещено: новый район решили занять переселенцами, преимущественно православными, из внутренних губерний России, и просьбы крестьян из других русских сел Армении о переселении были отклонены³¹.

К концу XIX в. число трехпоколенных семей везде увеличилось, хотя господствующими оставались двухпоколенные семьи. Семьи размером до 10 человек продолжали преобладать, но эта группа, а также количество семей численностью от 11 до 15 человек несколько увеличилось за счет уменьшения количества семей из 1—5 человек. Развитие крестьянской семьи в русских селах Борчалинского у. (как в православных, так и в молоканском—Воронцовке), судя по архивным документам, в первой четверти XX в. шло подобным же образом.

На общем фоне уменьшения количества больших неразделенных семей к 1886 и 1917 гг. (например, в Воскресенке с 35% до 13%, в Привольном с 14% до 6,6%) в отдельных селениях наблюдался процесс роста больших неразделенных семей, что было вызвано особенностями хозяйственной деятельности населения. Среди русских крестьян Армении, особенно среди сектантов, религия которых всегда поощряла частное предпринимательство, было широко развито отходничество, в частности извоз. Отходничество, хотя в целом подрывало патриархальные устои крестьянской большой семьи, играло известную роль в замедлении темпов ее распада, так как неразделенная семья давала возможность сочетать сельское хозяйство с отходом и использовать заработанные на стороне средства для укрепления своего хозяйства.

Резкое увеличение больших семей наблюдалось у русских крестьян с. Воронцовка, которые были собственниками крупных земельных площадей (некоторые крестьяне владели от 200 до 350 дес. земли). Воронцовские молокане славились хорошо поставленным товарным молочным производством, приносившим им большие доходы. В условиях

²⁸ Там же, ф. 133, оп. 1, д. 367; ф. 93, оп. 1, д. 217, лл. 127—174.

²⁹ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 217, лл. 183—215.

³⁰ А. Д. Ерицов. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии, с. 46.

³¹ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 3123, лл. 29—29 об; д. 2170, л. 2 об. и др.

такого развитого товарного хозяйства крестьяне были заинтересованы в сохранении больших семей.

О бытовании больших семей в конце XIX и начале XX вв. говорит обилие в деревнях однофамильцев, большинство которых считало себя родственниками. Например, в с. Никитино—Задоркины, Рудометкины, в Воскресенке—Шубины, Болотины, Долговы.

Большие неразделенные семьи состоят из двух или более брачных пар, способных к самостоятельному существованию в качестве семей. Они бывают двух видов: так называемые отцовские, состоящие из родителей и сыновей, из которых хотя бы один был женат и имел детей, и братские семьи, состоящие из нескольких женатых братьев с их семьями. Большие семьи, в состав которых входили родственники бокового родства, у русских Армении были выражены очень слабо и встречались лишь в первые годы после переселения на новое место жительства.

Среди больших семей преобладали, и в значительной степени, отцовские семьи. От общего числа больших семей они составляли в 1851 и 1886 гг. соответственно в Никитино 90,1 и 94,1%, в с. Воскресенка—77,2 и 90%³². К концу XIX—началу XX вв. средняя численность отцовских семей увеличивается по сравнению с серединой прошлого века и колеблется от 9 до 13,6 человек³³.

Иногда встречались и семьи-гиганты. Например, в 1886 г. в с. Никитино семья С. Задоркина состояла из 23 человек и включала главу семьи с женой, его мать, четырех дочерей и восемь сыновей, из которых трое были женаты, и пятерых внуков³⁴. В 1900-е годы семья Ф. Федорова из с. Привольного насчитывала 40 человек и состояла из родителей, неженатых детей и семи женатых сыновей с их семьями³⁵.

Неразделенные братские семьи были представлены у русских Армении слабо. Средняя численность таких семей превышала отцовские. В православных селениях неразделенные братские семьи почти не встречались, они наблюдаются лишь в с. Привольное в 1859 г.³⁶

Форма семьи зависела от брачного возраста, так как позднее или раннее вступление в брак определяло ту или иную форму семьи. Следует отметить, что в прошлом у крестьян существовали ограничения брачного выбора. Браки между родственниками до 7 колена церковь запрещала. Существовали ограничения, правда, не всегда соблюдавшиеся русскими Армении, и для духовных родственников. Мужчины и женщины, принимавшие участие в крещении новорожденных в той или иной семье, становились духовными родственниками. Это относилось к православным крестьянам, так как у сектантов крестных родителей не было. Ограниченность брачного выбора была обусловлена и сравнительно небольшой численностью русских Армении. К тому же официальные законы запрещали браки между сторонниками разных вероисповеданий, в том числе между православными и сектантами³⁷. Несмотря на запрет, такие браки изредка заключались, как правило, между православными крестьянами и молоканками. Непременным условием их было принятие сектантами официальной веры. За период с 1896 по 1917 гг. в с.

³² Там же, д. 366, 367; ф. 93, оп. 1, д. 217, 218.

³³ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 210, 217, 218; ф. 125, оп. 1, д. 375, 388, 398, 1028.

³⁴ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 218, л. 469.

³⁵ Полевые материалы автора, 1973, тетр. 3.

³⁶ ЦГИА Армянской ССР, ф. 93, оп. 1, д. 123, лл. 1—25.

³⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1857, т. X, ч. 1, с. 17.

Гергеры русские зарегистрировано лишь два брака русских православных крестьян с молоканками³⁸.

Среди сектантов браки заключались только с единоверцами. Даже браки с русскими, не принадлежавшими к молоканской общине, были запрещены.

По архивным материалам браки, смешанные в этническом отношении, неизвестны. Правда, в наших полевых записях имеется сообщение о браке, заключенном в 1918 г. в с. Никитино восемнадцатилетней молоканкой Е. Н. и армянином из Нового Баязета, временно проживавшим в этом селе³⁹. Судя по материалам, собранным нами в течение ряда лет в бывших русских сектантских селах Армении, подобный брак был исключением. Очевидно, различная религиозная принадлежность русского и коренных народов Армении, особенности истории народа, его быта, духовного склада являлись причинами слабого развития межэтнических браков.

Преимущественное распространение имели внутрисословные браки (русские относились к категории государственных крестьян). Браки русских с представителями других сословий почти не встречались⁴⁰.

Отмеченные нормы значительно ограничивали возможность вступления в брак, и в русских деревнях Армении преобладали эндогамные (внутри одного селения) браки. Удельный вес их достаточно высок. С 1896 по 1917 гг. из 126 браков жителей с. Гергеры русские 73 брака (57, 9%) заключено внутри села, остальные 53 (42, 1%) были экзогамные, то есть междеревенские⁴¹. Наиболее часто здесь устанавливались брачные контакты с Новопокровкой и Николаевкой.

По закону брачный минимальный возраст для жениха составлял 18 лет, для невесты—16. Однако крестьяне не всегда придерживались нормы церковного брачного права. Встречались случаи, когда молодые люди, чаще девушки, вступали в брак, не достигнув установленного возраста. Чтобы священник перевенчал их, недостающие года приписывались. Но в конце XIX—начале XX вв. браки малолетних не являлись нормой для русских Армении⁴².

По данным о 130 браках крестьян из православных сел, заключенных в церкви с. Гергеры русские за период с 1896 по 1918 гг., основная часть мужчин вступала в брак до 25 лет. На их долю приходится 101 брак, или 77,7%, из которых 63 брака, или 48,5%, были заключены в возрасте от 26 до 30 лет. На долю лиц старше 30 лет приходится 15 браков, или 11,4% (в большинстве случаев это вторичные браки)⁴³. Таким образом, мужчины вступали в брак в основном в возрасте от 18 до 25 лет.

Аналогичная картина характерна для невест. Браков, заключенных в возрасте от 16 до 25 лет, было 120, или 92,3%; правда, здесь основная часть браков приходилась на более ранний, чем у мужчин, возраст: от 16 до 20 лет — 109 браков, или 82,6%⁴⁴.

38 ЦГИА Армянской ССР, ф. 47, оп. 1, д. 957, лл. 167—168.

39 Полевые материалы автора, 1979—Архив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Армянской ССР (АОЭ), № 117.

40 ЦГИА Армянской ССР, ф. 47, оп. 1, д. 957.

41 Там же.

42 Полевые материалы автора, 1973, тетр. 2, 3; полевые материалы автора, 1979—АОЭ, № 115, 116.

43 ЦГИА Армянской ССР, ф. 47, оп. 1, д. 957.

44 Там же.

В результате анализа архивных документов можно судить о возрастном разрыве между супругами, который в той или иной мере влиял на форму семьи. На протяжении второй половины XIX—начала XX вв. среди русского крестьянства Армении преобладали браки с небольшой—до 5 лет—разницей в возрасте супругов (муж старше жены). Обращает на себя внимание большой процент браков, в которых жена старше мужа до 5 лет, в 1850-е годы в Николаевке (24%), Привольном (22,2%), Никитино (21,5%) и в 1886 г. в Еленовке (20,3%)⁴⁵.

Для православных сел—Привольного и Николаевки, основанных как военные поселения, значительный процент подобных браков объясняется тем, что в середине XIX в. вступление в брак военных поселян регламентировалось определенными правилами. Поселянским сыновьям разрешалось жениться только на поселянских дочерях. Это, вероятно, и приводило к тому, что нередко невеста была старше жениха. Если же в селении не имелось невест, поселяне могли жениться на девушках из соседних сел, но только с разрешения корпусного штаба, на что начальство шло очень неохотно⁴⁶. Сведения такого рода по военным селениям Армении нами не выявлены, но имеются материалы по с. Белоключинское, расположенному неподалеку от Тифлиса. Здесь в 1854 г. Н. Таршин, сын военного поселянина, решил жениться на М. Поповой, в прошлом молоканке. Командир полка, первоначально не разрешивший этот брак, вынужден был дать на него согласие, так как «Таршин в случае неразрешения этого брака не в состоянии приискать для сына другой невесты по бедности своей»⁴⁷. После того как военные поселения в 1856 г. были упразднены и переданы в ведение Министерства государственных имуществ, процент таких браков постепенно уменьшается, и в 1917 г. он составил по с. Привольное немногим более 2%⁴⁸.

В XIX в. браки, в которых жена старше мужа, судя по документам, не были столь редким явлением для сектантов. В «Актах Кавказской археографической комиссии» указывалось, что «в русских раскольнических селениях Закавказского края все вообще раскольники произвольно совершают браки, допуская женитьбу несовершеннолетних на взрослых невестах и наоборот...»⁴⁹ Из сектантских селений Армении в середине прошлого века большой процент подобных браков наблюдался в с. Никитино. По посемейным спискам можно приблизительно подсчитать, что большинство этих браков были заключены на родине переселенцев—в Тамбовской губ. и лишь приблизительно 10 пар вступили в брак в Армении⁵⁰. Тот факт, что почти все крестьяне данного села попали в Закавказье, будучи сосланными, свидетельствует об их яркой приверженности к молоканскому учению; вероятно, браки заключались только среди членов своей религиозной общины, а недостаток невест приводил к тому, что нередко парни женились на девушках старше себя. Не случайно, что в Армении середины XIX в. именно здесь, в Никитино, широко распространился новый толк, последователи которого назывались «прыгунами». До недавнего времени они даже к бракам с молоканами других толков относились недоброжелательно. Широкое распро-

⁴⁵ Там же, ф. 133, оп. 1, д. 366; ф. 93, оп. 1, д. 123, лл. 1—25, 641—647, д. 210.

⁴⁶ ЦГВИА СССР, ф. 734, д. 34.

⁴⁷ Там же, ф. 731, д. 40, л. 13 об.

⁴⁸ ЦГИА Армянской ССР, ф. 125, оп. 1, д. 1028, лл. 56—196.

⁴⁹ Акты Кавказской археологической комиссии. Т. XI. Тифлис. 1888. с. 2.

⁵⁰ ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, оп. 1, д. 366.

страшение браков, в которых жена старше мужа, в с. Еленовка в 1880-е годы мы склонны связывать опять-таки с религиозной эндогамией, строго соблюдавшейся среди сектантов—жителей этого села: молокан-постоянных, молокан-прыгунов и субботников.

Эндогамная обособленность религиозных групп, характерная для молокан различных толков, субботников и других сектантов, достигалась жесткими следованием религиозной догме, запрещающей браки с инаковерующими. Соблюдение ее было возможно при равном количественном соотношении мужчин и женщин социально-активных возрастов. Диспропорция же половозрастного состава, усугублявшаяся немногочисленной популяцией, и приводила к бракам, в которых жена была старше мужа. Дальнейшее тщательное изучение данного вопроса требует более полной информации о распределении возрастных групп в данный момент и в течение некоторого отрезка времени.

Итак, различные пути формирования русского населения Армении наложили свой отпечаток на структуру, численность и формы семьи. Среди переселенцев продолжали сохраняться традиции семейного строительства, выработанные еще на родине. На протяжении XIX—начала XX вв. малая семья занимала главенствующее положение, хотя большие семейные коллективы не были исключением. Напротив, в конце XIX в. наблюдалось некоторое увеличение числа неразделенных семей, вызванное рядом причин. Одновременно происходило увеличение людности семей.

Возраст вступления в брак и небольшой возрастной разрыв между супругами также способствовали усложнению состава русской крестьянской семьи в Армении.

ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՌՈՒՍ ԳՅՈՒՂԱՑԻՈՒԹՅԱՆ ԸՆՏԱՆԻՔՆԵՐԻ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔՆ ԸՆԴՁՄԸ

(XIX դար—XX դարի սկիզբ)

Ի. Վ. ԿՈՒԺԵՆԿՈ

(Ա մ փ ո փ ո մ)

Հայաստանի ոռւս բնակչության ձևավորման տարբեր ուղիները իրենց կնիքն են դրել ընտանիքների կառուցվածքի, անդամների թվի և ձևերի վրա: Աքսորական-աղանդավորների և ինքնակամ գաղթած գյուղացիների մեջ կային ինչպես երկսերունդ, այնպես էլ բազմասերունդ ընտանիքներ: Փախստական-գաղթականների փոքրաթիվ խումբը կազմված էր հիմնականում միայնակյացներից: Ուղղափառ գյուղացիների ընտանիքների ձևավորումը աչքի էր ընկնում որոշ ինքնատիպությամբ: Ռուս գաղթականների մեջ շարունակում էին պահպանվել ընտանիքների առաջաման այնպիսի ավանդույթներ, որոնք սկիզբ էին առել դեռևս Ռուսաստանում: XIX դարում և XX դարի սկզբներին Հայաստանի ոռւս գյուղացիների կենցաղում գերիշխող էր փոքր ընտանիքը, շնայած մեծ ընտանիքների թիվը զգալի էր: Ընդհակառակը, XIX դարի վերջին նկատելի է դառնում անբաժան ընտանիքների թվի ավելացումը, որ պայմանավորված էր ինչպես սոցիալ-տնտեսական զարգացման մակարդակով, այնպես էլ աշխարհագրական միջավայրով ու էթնիկական ավանդույթներով: Պակաս կարևոր չէր այս հարցում նաև հայ ազգաբնակչության ազդեցությունը: Միաժամանակ տեղի էր ունենում նաև ընտանիքների անդամների թվի աճ: Ամուսնական տարիքի նվազումը և ամուսնացողների միջև տարիքային ոչ մեծ տարբերությունների հանդես գալը նույնպես նպաստում էին Հայաստանի ոռւս գյուղացիության ընտանիքների կազմի բարդացմանը: